

Научная статья /
Research Article

УДК 821.511.111.0 + 81'1
ББК 83.3(2=661.1) + 81.022

БИЛИНГВАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. МИШИНА (ОЛЕГА МИШИНА – АРМАСА ХИЙРИ) (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА)

© 2021 г. М.В. Казакова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Дата поступления статьи: 29 мая 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 сентября 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353>

Аннотация: В статье анализируется взаимодействие двух художественных картин мира, сосуществующих в сознании билингвальной личности на примере авторского перевода. Финн-ингерманландец А.И. Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) входит в 1950-е гг. в литературу Карелии как русский поэт. Спустя полтора десятилетия творческой работы на русском языке, Мишин – Хийри публикует стихотворения и на финском. 1970-е гг. – это первый этап его билингвального творчества, где главной становится тема памяти, символического возвращения к своим корням благодаря освоению родного финского языка. Являясь носителем двух культур (русской и финской), автор-билингв вступает в интеркультурный диалог познания, отражающийся в художественной национально-маркированной картине мира поэта. В статье останавливаемся на его авторских переводах с финского языка на русский, которые являются результатом диалогического творческого мышления на двух языках и представляют собой текст с иной смысловой основой. Поэт начинает не просто осваивать лирическое пространство и возможности стихосложения на двух языках, но и выражает мысль через посредство разных художественных и символических образов, использует неодинаковые интонационные наполнения, связанные с особенностями ментальности русского и финского народов, т. е. гармонично существует в системах обоих языков.

Ключевые слова: художественный билингвизм, интеркультурный диалог, автоперевод, литература Карелии, Олег Мишин – Армас Хийри.

Информация об авторе: Мария Владимировна Казакова – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии института филологии, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (ПетрГУ), пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

E-mail: mvk-2013@bk.ru

Для цитирования: Казакова М.В. Билингвальная картина мира в творчестве А.И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) (на примере авторского перевода) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 338–353.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 1, 2021

BILINGUAL WORLDVIEW IN THE POETRY OF OLEG MIŠIN – ARMAS HIIRI: THE STUDY OF SELF-TRANSLATION

© 2021. Maria V. Kazakova
*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia*
Received: May 29, 2020
Approved after reviewing: September 12, 2020
Date of publication: March 25, 2021

Abstract: The article analyzes the interaction of two worldviews that coexist in the mind of a bilingual poet, on the example of self-translation. Finnish-Ingrian by birth, A.I. Mishin (Oleg Mishin – Armas Hiiri) begins his literary career in Karelia in the 1950s as a Russian poet. After a decade and a half of creative work in the Russian language, Mishin-Hiiri begins to publish poems in Finnish as well. The 1970s is the first stage of his bilingual work that has memory and symbolic return to the roots by learning the native Finnish language as its main theme. Being a native speaker of two languages (Russian and Finnish), the bilingual author enters the cognitive intercultural dialogue reflected in his poetic worldview that bears a mark of his national identity. The article discusses the author's self-translations of Finnish poems into Russian, the result of the dialogic creative thinking in two languages. These self-translations are the texts semantically different from the originals. The poet not only begins to explore the possibilities of versification in two different languages but also employs different poetic images and symbols and uses different intonation. His poems and their self-translations reflect the difference in mentality of Russian and Finnish people that harmoniously co-exist in Mishin's poetry shifting between two language systems.

Keywords: artistic bilingualism, intercultural dialogue, self-translation, Karelian literature, Oleg Mišin – Armas Hiiri.

Information about the author: Maria V. Kazakova, Teacher, Department of Baltic and Finnish Philology, Institute of Philology, Petrozavodsk State University, 33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia.

E-mail: mvk-2013@bk.ru

For citation: Kazakova, M.V. "Bilingual Worldview in the Poetry of Oleg Mišin – Armas Hiiri: The Study of Self-Translation." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 1, 2021, pp. 338–353. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353>

Термин «художественный билингвизм» понимается нами как литературный процесс и его результат, при котором писатель продуктивно использует две языковые системы, наделенные автономными речевыми кодами. Проникновение в текст произведения неродных языковых единиц, элементов другой культуры обусловлено дихотомичностью восприятия окружающего мира автором-билингвом, при котором обе картины мира, преломляясь в сознании индивида, образуют новый продукт, в нашем случае — текст, наделенный уже иным смыслом и содержанием.

Являясь представителем двух культур, используя в своем творчестве разные языковые коды, автор-билингв вступает в интеркультурный диалог, который находит свое отражение в билингвальной художественной картине мира двуязычного автора и участвует в создании уникально организованного «специфического мира — мира ментального» [2, с. 72], который позволяет автору трансформировать культурный артефакт для создания узнаваемого семантического поля.

М.М. Бахтин предлагает расценивать такого рода тексты, в которых диалог сознания создает новый аутентичный продукт, самостоятельными художественными элементами, отражающими самобытный принцип познания мира [1].

Исследователь Ч.Г. Гусейнов [4] выделяет пять типов художественного билингвизма, которые, на наш взгляд, наиболее полно отражают особенности творческой деятельности писателей-билингвов многонациональной страны: 1) творчество на национальном языке и авторский перевод на русский; 2) творчество на русском языке с последующим переводом на национальный язык; 3) параллельное творчество на национальном и рус-

ском языке без самоперевода; 4) временный или постоянный переход с двуязычия на одноязычие русское или национальное; 5) творчество лишь на русском языке, которое причисляется к национальной литературе.

Заметим, что в данной классификации художественного билингвизма (пункт 1) особое значение придается авторскому переводу произведений, который возможен в случае свободного владения писателем двумя языками.

При авторском переводе происходит трансформация исходного текста на другой язык, но с большей степенью свободы, нежели есть у переводчика художественных текстов. Говоря о степени свободы, мы имеем в виду, что автор вправе отказываться от «перевода» каких-либо элементов художественного текста или, наоборот, дополнять уже имеющийся вариант текста на исходном языке творчества для того, чтобы адекватнее передать свой творческий замысел представителям культуры, на язык которых произведение переводится.

Учитывая степень творческой свободы во время авторского перевода, большинство исследователей (У. Вайнрайх [3], Х. Гренстранд [8], М.К. Кабакчи [6], А.М. Финкель [7]) сходятся на мысли, что автопереводы надо рассматривать как результат творческого процесса, т. е. такой же продукт творческой деятельности, как и исходный текст, поскольку «the two texts produced possess equal artistic value» (два текста обладают равной художественной ценностью) [8, p. 122].

В процессе авторского перевода писатель-билингв взаимодействует с двумя знакомыми ему художественными картинами мира, добываясь тождественности восприятия читателем художественного замысла.

Обратимся теперь к литературе Карелии, в которой художественный билингвизм как часть литературного процесса представлен произведениями авторов-билингвов, носителями двух культур: финно-угорской и русской.

Появление писателей-билингвов в культуре и литературе Карелии обусловлено исторически: здесь испокон веков соседствовали прибалтийско-финские народы (финны, карелы, вепсы) и русские. Потребность людей в коммуникации и в освоении новых культурных и эстетических ценностей приводит к появлению в художественной словесности Карелии писателей-билингвов, для которых творчество на родном языке являлось

возможностью обозначить свою этническую принадлежность. Отметим, что авторы-билингвы Карелии (в отличие от писателей других народов бывшего Советского Союза) в силу социально-политических причин начинали писать не на родном, а на русском языке и лишь спустя время, имея уже творческий опыт, переходили в своей художественной деятельности на родной язык (например, финн-ингерманландец А.И. Мишин (О. Мишин — А. Хийри), финн Р. Такала, карел А. Волков, вепс Н. Абрамов).

В статье мы рассмотрим билингвальное творчество народного писателя Республики Карелия А.И. Мишина (Олега Мишина — Армаса Хийри) (1935–2018), одного из первых поэтов-билингвов края.

Армас Иосифович Мишин родился 15 февраля 1935 г. в ингерманландской деревне Пустошка Ленинградской области. В семье говорили на ингерманландском диалекте финского языка, русский был освоен уже в Сибири, куда в 1941 г. их семью отправили в эвакуацию. Попав в иноязычную русскую среду, Мишин забывает родной финский язык. В послевоенные годы Армас с матерью проживал в Омске, откуда они были вынуждены уехать в 1949 г., поскольку финнам-ингерманландцам запретили проживание в крупных городах. Так они оказались в Карелии, которая была им близка в культурном плане.

Финн-ингерманландец по рождению А.И. Мишин входит в 1950-е гг. в литературу Карелии как русский поэт Олег Мишин. Спустя полтора десятилетия плодотворной творческой работы на русском языке (за этот период выходит 3 русских сборника стихов: «В дорогу», 1961, «Голубая улица», 1963, «Бессонница», 1966) Мишин начинает публиковать стихотворения и на финском под именем Армас Хийри. 1970-е гг. — это первый этап его билингвального творчества, где главной становится тема памяти, символического возвращения к своим корням благодаря освоению «материнского» языка.

С 1970-х гг. поэт не только пишет стихи на двух языках, но и переводит на русский язык некоторые финские стихотворения, опубликованные в сборнике «Ikkunani katsoo maailmaan...» («Мои окна смотрят в мир») (1976). Отметим, что в основном автопереводы стихотворений соответствуют оригиналам по форме и содержанию. Остановимся лишь на некоторых, выделяющихся своеобразием и отличием от оригинального финского текста.

Обратимся к стихотворению «En haluaisi elää kiirehtien...» («Не хотел бы жить спеша...») из сборника «Ikkunani katsoo maailmaan...» (1976) («Мои

окна смотрят в мир...») и его русскому аналогу, опубликованному в сборнике «Тревожность» (1978) под названием «Не хотел бы я...». Сохраняя единую тематическую основу, автор меняет строфическую форму и композицию.

En haluaisi elää kiirehtien
enkä antaa häthätää takaisin
väittelyssä ystäväni
tai kaksintaistelussa viholliseni kanssa.

Не хотел бы жить спеша,
и не сдаться наспех
в споре с другом
или в дуэли с врагом.

En haluaisi elää kiirehtien
enkä lähteä matkalle
puristen pikipäin kättäsi.

Не хотел бы жить спеша,
и отправляться в дорогу,
пожав наскоро твою руку.

En halua elää kiirehtien.
Jos joutuu juomaan lähteestä,
niin on juotava kyllikseen;
jos kaulaamme toisiamme
hyvästiksi —
niin lujasti, ettei jäljelle jäisi
vähäisintäkään pelkoa
huomiseen nähden.

Не хочу жить спеша.
Если случится пить из ключа,
то нужно напиться досыта;
если обниматься
на прощание —
то так крепко, чтобы не осталось
ни капли страха
в ожидании завтрашнего дня.

[II, S. 24]

[Подстрочный перевод М.В. Казаковой]

Финское стихотворение имеет неоднородную строфическую организацию. Первая строфа состоит из четырех строк, вторая — из трех, третья — из восьми. На наш взгляд, это связано прежде всего с тем, что в третьей строфе автор подчеркивает уверенность лирического героя в своих намерениях. Он полон решимости изменить свою жизнь, внести в нее размеренность, что придаст ему сил при встрече с завтрашним днем. Эта безусловная уверенность подчеркивается и грамматически. Все три строфы начинаются с единой мысли, но в первых двух Мишин использует сослагательное наклонение, что привносит во внутренний монолог лирического героя неуверенность, во многом мечтательность. Третья же строфа подчеркнута результативна. Здесь уже не остается ни малейшей возможности не выполнить задуманное, решение уже принято.

Абсолютно иную строфическую композицию и организацию поэт представляет читателю в русской версии этого стихотворения «Не хотел бы я...».

Не хотел бы я
торопиться.
Если пить из ручья, —
так напиться.

Если отправляться в путь, —
так обняться,
чтоб за счастье ничуть
не бояться.

В споре с другом иль врагом
на дуэли
эти «наспех» да «бегом»
надоели.

«Жить бы надо не спеша», —
шепчет опыт..
Но торопится душа.
Жизнь торопит.

[10, с. 85]

Русское стихотворение представлено четырьмя строфами с перекрестной рифмой внутри строфы. Каждая строфа начинается с разных строк, да и композиционно строфы выстроены иным, нежели в финском стихотворении, способом. Последняя строфа стихотворения «En haluaisi elää kiirehtien...» («Не хотел бы жить спеша...») разделена на две части и вынесена в начало русского стихотворения, а первое четверостишие финского стиха стоит третьей строфой в русской версии. Что же касается второй строфы финского и четвертой строфы русского стихов, то они представлены как абсолютно самостоятельные части стихотворений. И если в финском стихотворении вторая строфа является логическим продолжением начатой мысли, то в русском стихотворении последняя строфа меняет смысловую нагрузку всего произведения. Лирический герой надеется на то, что он сможет обрести некую размеренность, в том числе и уверенность в своей жизни, внутренний монолог героя соразмерен с внутренней речью героя в финском

стихотворении. Но, как уже было написано выше, в финском стихотворении мы наблюдаем констатацию принятого решения, в котором лирический герой абсолютно уверен. Размеренная тональность финского стихотворения создает ощущение серьезности намерений героя. Начинаясь с сослагательного наклонения русское стихотворение, благодаря использованию которого создается ощущение, что лирический герой, размышляя над быстротечностью жизни, постепенно все-таки расставляет приоритеты. Последнее четверостишие лирического произведения «Не хотел бы я...» меняет концептуальную идею, заданную первыми строфами стихотворения. Герой, несмотря на полную уверенность в правильности мысли о том, что «жить бы надо не спеша» [10, с. 85], заканчивает внутренний монолог верой в необходимость изменений в жизни. Он стремится узнать и прочувствовать как можно больше, познать жизнь через лично приобретенный опыт, даже если (а он об этом говорит с сожалением) придется чем-то жертвовать. Изменение смыслового наполнения подчеркивается поэтом и всей тональностью стихотворения: оно в сравнении со сдержанной финской версией динамичнее, эмоциональнее.

Мажорнее звучит и стихотворение «Я верба», опубликованное в сборнике «Тревожность» (1978) по сравнению с финской версией этого стихотворения «Olen paju jokirannassa...» («Я верба на берегу реки...») из сборника «Ikkunani katsoo maailmaan...»:

Olen paju jokirannassa
 talven hyisen tuulen
 ja pakkasen
 kohmetuksessa.
 Mutta suojasään tullen
 unohdan tyyten
 kaikki vaivani
 ja olen jälleen
 valmis uskomaan
 kevääseen.
 Ja silmuni taas puhkeavat,
 vaikka huomenna paukkasi
 vieläkin kovemmat pakkaset.
 [11, S. 46]

Я верба на берегу реки
 из-за ледяного зимнего ветра
 и мороза
 окончила.
 Но с наступлением оттепели
 забываю совершенно
 все трудности
 и снова
 готова поверить
 в весну.
 И мои почки опять распускаются,
 даже если завтра ударят
 еще более сильные морозы.
 [Подстрочный перевод М.В. Казаковой]

С одной стороны, данное стихотворение посвящено торжеству жизни, неизменному обновлению природы после периода увядания, с другой, отождествляя себя с природой, лирический герой оглядывается назад, на свое нелегкое прошлое, его вера в счастье в жизни не абсолютна, ее омрачает память о былом и возможное его повторение.

Я верба.
 Я верю в весну всегда.
 Все беды и боли свои забываю.
 Теплом лишь повеет —
 среди снега и льда
 доверчиво почки свои раскрываю.

Быть стуже,
 и вьюгам еще завывать,
 зима уступила весне едва ли,
 теплом лишь повеет —
 цвету я опять,
 чтоб верить вы тоже не уставали.

[10, с. 95]

Русская версия этого стихотворения эмоционально ярче и патетичнее. Лирический герой убежден в том, что его ожидает лишь счастье, белая полоса в жизни обязательно придет на смену черной. В стихотворении это подчеркнуто лексически однокоренными словами: верю, доверчиво, верить. В финском же стихотворении слово «uskoa» («верить») встречается лишь однажды. Отметим также, что финское стихотворение интровертно, лирического героя интересует свой собственный внутренний мир и то, как на него влияет окружающая действительность. В русском стихотворении герой открыт внешнему миру, готов вступить с ним в диалог.

На наш взгляд, интересными являются стихотворения «Ikkuani katsoo maailmaan...» («Мои окна смотрят в мир...») из одноименного сборника 1976 г. и русское стихотворение «Мои окна смотрят в мир...», опубликованное в сборнике «Тревожность» (1978). Стихотворения представляют собой перевод финского лирического произведения на русский язык с со-

хранением в большинстве своем интонационного и лексического рисунка. Представим вторую строфу стихотворения:

Sininen ruutu taivasta,
kyyhkysten ohilento,
muutama iltatähti —
niin vähän
ja niin paljon
minä omistan.

[11, S. 45]

Синий квадрат неба
мимолетный полет голубей,
несколько вечерних звезд —
так мало
и так много
есть у меня.

[Подстрочный перевод М.В. Казаковой]

Синий прямоугольник неба,
Ласточки черно-белый промельк,
Несколько вечерних звезд —
Так мало и так много
Мне надо.

[10, с. 102]

Отметим, что при переводе второй строфы поэт меняет название птиц. В русском стихотворении речь идет уже о ласточке, а не о голубе. Начиная с этого стихотворения, образ ласточки становится постоянным символом в билингвальной лирике Мишина — Хийри, в котором воплотилась тоска автора по родному краю. К.Н. Дубровина и М.В. Кутьева в статье «Образы птиц: от Библии к художественному тексту», характеризуя использование птичьей символики в Библии, пишут: «Птичке, покинувшей свое гнездо, уподоблен в Библии человек, оставивший свой дом» [5, с. 70]. Ласточка — перелетная птица, наделенная инстинктом возвращения к месту гнездовья, т. е., покинув свой дом осенью, весной она устремляется обратно. Лирический герой стихотворений поэта ощущает себя такой птицей, которая всегда готова вернуться в родные места. В середине 1970-х гг. в его билингвальной лирике происходит смена символического ряда: на первый план выходят образы и символы, связанные с тоской по утраченной родине, осознанием себя частью двух культурных пространств. Таким образом, голубь, символ благой вести, заменяется на ласточку — символ, приобретающий, с одной стороны, значение тихой грусти по родному краю, с другой — надежды на возвращение.

Диалог билингвального сознания проступает не только на лексико-семантическом уровне, но и на синтаксическом. Примером может стать стихотворение «Sodan jälkeen...» («После войны...») из сборника на финском языке «Juuret avaruuteen» (1980) («Врастать корнями в небо») и стихотворение «После войны» из книги на русском языке «Снег на пушках» (1980):

Sodan jälkeen	После войны	После войны
kotikylässäni —	в моей родной деревне —	в родной деревне,
oikeammin sen rauniolla	вернее на ее развалинах	вернее — на ее развалинах,
kaivelin	раскапывал	наткнулся
mennyttä —	прошедшее —	на стеклянные осколки —
Lasinsiruja löysin —	нашел стеклянные	игрушки моего детства.
Nekö ne pistivät sydämeeni?	осколки —	Как больно они кольнули
[12, S. 35]	Не они ли кольнули	в сердце!
	в мое сердце?	[9, с. 22]
	[Подстрочный перевод	
	М.В. Казаковой]	

Внимание сразу приковывают последние строки стихотворений «Nekö ne pistivät sydämeeni?»¹ [12, S. 35] с вопросительным знаком и «Как больно они кольнули в сердце!» [9, с. 22] с восклицательным знаком в конце. Автор меняет интонационное наполнение стихотворений, при этом практически полностью сохраняя лексический уровень. На наш взгляд, отличия в пунктуации сказываются на интонации каждого из стихов, что приводит к смене их смысловой нагрузки. Задавая самому себе вопрос по-фински, автор побуждает к размышлению и переосмыслению прошлого, его ментальных основ, ценностей. Русскоязычное же стихотворение подчеркнуто результативно. Восклицательная интонация замыкает ассоциативный ряд, не давая лирическому герою повода к рефлексии. Две разные картины мира, преломляясь в сознании одного человека, полемизируют, создавая многоголосье смыслов и интонаций. Один и тот же образ, осмысленный с точки зрения разных культур, разных языковых единиц, порождает два стихотворения, т. е. самостоятельное художественное творчество на двух языках.

1 Не они ли кольнули в мое сердце? (подстрочный перевод М.В. Казаковой)

Разные интонационные рисунки встречаются во многих автопереводах О. Мишина — А. Хийри. Для финноязычной лирики поэта более характерен повествовательный тон, с помощью которого раскрывается внутреннее переживание лирического героя. Рассмотрим стихотворение «Vanha karjalainen nainen...» («Старая карельская женщина») из сборника «Ikkunani katsoo maailmaan» и автоперевод «Какое доброе лицо!..» из сборника «Тревожность»:

Vanha karjalainen nainen	Старая карельская женщина
astuu ulkorapuille...	выходит на крыльцо...
Hänen pieneen tupaansa	В ее маленькую избу
tulee jälleen	входят опять
kaukaisia vieraita.	далекие гости.
Olemmeko hänelle vain vieraita?	Являемся ли мы ей только гостями/чужими?
Ja jos olemme,	И если являемся,
niin miksi	то почему
hän ottaa meidät vastaan	она встречает нас
näin monen vuoden päästä	так спустя многие годы
ikään kuin olisi odottanut	как будто ждала
nimenomaan meitä?	именно нас?

[11, S. 37]

[Подстрочный перевод М.В. Казаковой]

Данное стихотворение начинается с повествовательных предложений (nainen astuu, tulee kaukaisia vieraita)². Лирический герой погружается в атмосферу карельской деревни и гостеприимства ее жителей. Первые пять стихов описывают женщину, которая наделена эпитетами «старая» и «карельская», и ее дом с характеристикой «маленький». Для того чтобы подчеркнуть колорит карельской деревни, а также небольшое пространство жилища женщины, в стихотворении используется слово «tupa» (изба). Словом «tupa» в финском языке обозначается «vanhantuoyppisessä maalaistalossa talonväen yhteinen oleskelu- ja työhuone, yksihuoneinen mökki»³ [13]. Ограниченное пространство дома говорит прежде всего об одиночестве старого

2 Женщина выходит, входят далекие гости [подстрочный перевод М.В. Казаковой].

3 В старых деревенских домах общая комната для жизни и работы ее жителей, однокомнатная избушка/летний домик/дача [подстрочный перевод М.В. Казаковой].

человека, на что и обращает внимание лирический герой. В шестом стихе он задает вопрос самому себе, пытаясь понять истоки карельского гостеприимства, которое связано для него с открытостью и радушием карельского народа в лице этой женщины, в то же время он пытается постичь, чужой ли он здесь, не здесь ли его родной дом. Два вопросительных предложения говорят о внутренней работе сознания лирического героя. Создается ощущение, что ему кажется здесь все знакомым, ранее виденным. Состояние дежавю подчеркивается и следующими друг за другом единой строфой картинками увиденного. В русском же стихотворении «Какое доброе лицо!» присутствует две строфы, которые представляют два разных впечатления:

Какое доброе лицо! —
как солнце летнее восходит,
когда на чистое крыльцо
карелка старая выходит.

Потом хлопчет у стола
и говорит слова такие,
как будто все мы ей родные
и только нас она ждала.

[10, с. 88]

Первая картина создает ощущение радости встречи, что подчеркивается словосочетаниями «доброе лицо», «солнце летнее», «чистое крыльцо». Внешнее пространство не дает повода для грусти. Лирический герой с восторгом наблюдает за всем, поскольку все для него ново, он впечатлен увиденным как горожанин, впервые посетивший деревню, или человек, впервые приехавший в незнакомое ему место с нетрадиционной для него культурой. Вторая картина интонационно не отличается от первой: герой наблюдает за происходящим с нескрываемым восхищением. И даже вынесенное отдельно слово «родной» не создает ощущения знакового для лирического героя места, в отличие от финноязычного. Отметим также, что в финском стихотворении нет слов, подчеркивающих родство или близкую связь. Наоборот, дважды используются слово «vieraita», которое в первом случае «kaukaisia vieraita» («далекие гости») является существительным

«гость», а в вопросительном предложении «Olemmeko hänelle vain vieraita?» может выступать и существительным «гость» («Являемся ли мы ей только гостями?»), и прилагательным «чужие» («Являемся ли мы ей только чужими?»). На наш взгляд, именно использование в финском тексте слов с коннотацией «чужой» создает ощущение рефлексивного наблюдения. Что же касается русского стихотворения, то оно написано в традициях русской лирики поэта, где запечатленный миг становится основополагающим.

Возвращаясь к выше представленным стихотворениям поэта на финском и русском языках, обратим внимание на то, что поэт начинает не просто осваивать лирическое пространство и возможности стихосложения на двух языках, но и мыслить разными художественными и символическими образами, использовать неодинаковые интонационные наполнения, связанные с особенностями ментальности русского и финского народов, т. е. гармонично существовать в системах обоих языков, которые вступают во взаимодействие в его творческом сознании, благодаря чему воссоздаваемая им картина мира становится полнее и ярче.

Стоит отметить, что на начальном этапе билингвального творчества поэт переводит свои стихотворения в основном с финского на русский язык, что, на наш взгляд, связано с более философским содержанием его финской лирики в отличие от русской, для которой характерно описание и запечатление мгновения бытия во всем его великолепии. Таким образом, поэт стремится раздвинуть рамки и своей русской поэзии, добавив в нее иное, рефлексивное начало, которое появится уже в русскоязычном сборнике поэта 1978 г. «Тревожность», куда и войдут первые автопереводы Мишина — Хийри.

Переводческая деятельность для А.И. Мишина (Олега Мишина — Армаса Хийри) на всем протяжении его творчества была важным этапом продвижения к обретению этнического «я»: на первых этапах — это переводы финноязычной лирики для изучения финского языка и стихосложения на родном языке, далее — автопереводы как диалог двух художественных картин мира и позже — обретение своей собственной истории в контексте истории своего народа.

Список литературы**Исследования**

- 1 *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества: сб. избранных трудов. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
- 2 *Буянова Л.Ю., Щибря О.Ю.* Художественный текст как уникальная модель ментального мира // Культурная жизнь юга России. Филология. Краснодарский государственный институт культуры, 2015. № 2 (57). С. 71–74.
- 3 *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 260 с.
- 4 *Гусейнов Ч.Г.* Проблемы двуязычного художественного творчества в советской литературе // Единство, рожденное в борьбе и труде. М.: Известия, 1972. С. 300–317.
- 5 *Дубровина К.Н., Кутьева М.В.* Образ птицы: от Библии к художественному тексту // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2009. № 1. С. 69–77.
- 6 *Кабакчи М.К.* Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения // Вестник СПбГУ, 2011. Сер. 9. Вып. 3. С. 111–117.
- 7 *Финкель А.М.* Об автопереводе // Теория и критика перевода. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 104–125.
- 8 *Grönstrand H.* Self-translating: linking languages, literary traditions and cultural spheres // Cosmopolitanism and Transnationalism: Visions, Ethics and Practices. Helsinki: Collegium for Advanced Studies, 2014. P. 116–137.

Источники

- 9 *Мишин А.И.* Снег на пушках: книга стихов. М.: Современник, 1980. 110 с.
- 10 *Мишин А.* Тревожность: стихи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 120 с.
- 11 *Hööri A.* Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 S.
- 12 *Hööri A.* Juuret avaruuteen: runoja. Petroskoi: Karjala, 1980. 70 S.
- 13 *Kielitoimiston sanakirja* // Kotimaisten kielten keskus ja Kielikone Oy. Helsinki, 2020. URL: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/tupa> (дата обращения: 11.05.2020).

References

- 1 Bakhtin, M.M. "Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti" ["Author and Hero in Aesthetic Activity"]. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 7–180. (In Russ.)
- 2 Buianova, L.Iu., and Shchibria, O.Iu. "Khudozhestvennyi tekst kak unikal'naia model' mental'nogo mira" ["Artistic Text as a Unique Model of the Mental World"]. *Kul'turnaia zhizn' iuga Rossii. Filologiya. Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury*, no. 2 (57), 2015, pp. 71–74. (In Russ.)
- 3 Vainraikh, U. *Iazykovye kontakty: sostoianie i problemy issledovaniia [Language Contacts: The State of Art and the Problems of Research]*. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1979. 260 p. (In Russ.)
- 4 Guseinov, Ch.G. "Problemy dvuiazychnogo khudozhestvennogo tvorchestva v sovetskoii literature" ["Problems of Bilingual Creative Art in Soviet literature"]. *Edinstvo, rozhdennoe v bor'be i trude [The Unity That Was Born in Struggle and Labor]*. Moscow, Izvestiia Publ., 1972, pp. 300–317. (In Russ.)
- 5 Dubrovina, K.N., and Kut'eva, M.V. "Obraz ptitsy: ot Biblii k khudozhestvennomu tekstu" ["Image of the Bird: from the Bible to the Literary Text"]. *Vestnik RUDN, seriia Lingvistika*, no. 1, 2009, pp. 69–77. (In Russ.)
- 6 Kabakchi, M.K. "Bilingvizm kak kliuchevoi faktor avtorizovannogo perevoda khudozhestvennogo proizvedeniia" ["Bilingualism as a Key Factor in Self-Translation of a Work of Art"]. *Vestnik SPbGU, Vol. 9*, issue 3, 2011, pp. 111–117. (In Russ.)
- 7 Finkel', A.M. "Ob avtoperevode" ["About Self-Translation"]. *Teoriia i kritika perevoda [Theory and Criticism of Translation]*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1962, pp. 104–125. (In Russ.)
- 8 Grönstrand, Heidi. "Self-translating: Linking, Languages, Literary Traditions and Cultural Spheres." *Cosmopolitanism and Transnationalism: Visions, Ethics and Practices*. Helsinki, Collegium for Advanced Studies, 2014, pp. 116–137. (In English)